

К Р О К О Д И Л

№ 15 МАЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1936

к 556
15

Рис. М. Черемных

КАЗАЧАТА

— Только бы дедушка не увидел, что мы хотим скакать.
 — Заругается?
 — Да нет. Он тогда увяжется за нами и еще, чего доброго, обгонит.

Рис. Бор. Ефимова

Бор Ефимов · 36

— Довольны вы санаторием?
— В общем ничего. Только зачем в него больных пускают?

ЧЕЛОВЕК, ПОБЕДИВШИЙ ПРИРОДУ

Не всегда человек побеждает природу в недрах земли или в прохладных, пропахших химикалиями лабораториях. Иногда это происходит на простом пригорке, около какой-нибудь маленькой, незаметной речушки, на сочной траве и под таким веселым, бесшабашным солнцем, от которого сразу начинает лупиться нос.

Именно на таком заурядном месте, которое даже как-то неловко описывать, до того оно похоже на все другие места, залегли под кусты и деревья двадцать три второклассника, шумные и пестрые, как чижи, одетые в майки. От станции прошли целых полтора километра: наиболее физически отстающие элементы уже по дороге завистливо поглядывали на предыдущие пригорки. И теперь все, поощряемые утренним крепким, как старый квас, воздухом, начали раскрывать узелки и чемоданчики с бутылками молока, крутыми яйцами и теми трогательными бургербродами, которые приготавливают лучшие буфетчики в мире — мамы.

Ели весело, не жалея остатков молока, чтобы вылить их на соседа, или куска яйца, чтобы запустить в жующего под кустом обидчика по дороге. И, вообще, казалось, что

пригорку надоело выращивать бледные ромашки и ревматические одуванчики и он зацвел сейчас большими живыми цветами, голосистыми и радостными, как пухлые утята.

Учитель Семен Акимович доедал свой завтрак. Он аккуратно смахивал крошки с больших висячих усов и запивал куски холодным чаем из большой бутылки, на которой так и было написано на прежней этикетке чернильным карандашом «Чай».

— Теперь, ребята, займемся природой, — тихим скрипучим голосом сказал Семен Акимович, аккуратно заткнув недопитую бутылку бумажной пробкой. — Девочки, сядьте вот тут, около дерева, мальчики — вот сюда. Петриков, перестань жевать. Прожуй, когда говоришь с учителем. Чего тебе?

— Купаться, — деловито заявил толстый Петриков, с трудом доглотав упрямый крутой желток.

— Купанье — это физкультура, — недовольно процедил Семен Акимович. — Физкультурой займемся в перерыве. Скорее, скорее, ребята. И не шумите в классе.

Из-за кустов подмигивающе выглядывала узенькая, такая аппетитная речка с золотым песком на берегу. Ребята вы-

ПОСЛЕ ИТАЛО-АБИССИНСКОЙ ВОЙНЫ

Рис. Л. Генча

ползали из кустов, наскоро завязывали узелки и неторопливо рассаживались: мальчики слева, девочки подальше справа.

— Итак, что мы имеем вокруг себя, дети? — надел большие очки Семен Акимович. — Что, например, ты видишь вокруг себя, Валя Перцева?

Валя взмахнула белокурыми косицами, добросовестно огляделась и, остановившись на одном из кустов, осторожно заметила:

— Орехи тут будут.

— А я под кустом ящерицу видел, — скромно добавил веснушчатый Ковригин, — зеленая, а сверху желтая...

— Плохо... — укоризненно вздохнул Семен Акимович. — Что мы имеем вокруг себя? Вокруг себя мы имеем: а) растительность, или флору, б) животный мир, или фауну, и в) явления природы... Что ты скажешь по разделу «в» Гудякин?

Гудякин, только что вырвавший перочинным ножом жирного дождевого червя, слегка сконфузился и шепнул соседям:

— Подсказывайте, черти... По разделу ва... По разделу ва я вижу пернатых... Одна пернатая сейчас сидела на дереве, а Митька Сысоев ее сбил сучком...

— Плохо, — еще вздохнул Семен Акимович, — записывайте, дети. Достаньте бумагу, карандаши, у кого есть общие тетради... Не теряйте времени, дети. Природа требует детального изучения. Какую ты знаешь фауну, Соня Канопицына?

— Всякую, — тихо зашелестела Соня, — травы, подсолнечники, маргаритки, — и вдруг, встретившись с сухим взглядом Семена Акимовича, прошелестела еще тише, — зайцы, суслики, кролики...

Семен Акимович грустно покачал головой.

— Неподготовленных к изучению природы на экскурсии брать больше не будем. Петриков, не мешай соседу. Что ты ему говоришь, Петриков?

— Я ничего, Семен Акимович. Я ему говорю — купаться, а он мне говорит — рыбу удить. У Венькина две удочки с собой. Я больше не буду.

Семен Акимович достал из кармана большой блокнот с сизой корочкой и приблизил его к очкам.

— Я тебе говорю — рыбу будем ловить, — восторженно шептал Петрикову его сосед. — Чесс-слово. А потом костры.

— Дай честное пионерское!

— На. Честное пионерское. А потом в «Гори, гори ясно...» будем. А девчонки ягоды собирать будут. Только вечером уедем.

Подползшая к мальчикам Соня Канопицына зашелестела еще раз:

— Дай честное пионерское — за ягоды!

— На. Даю. А потом...

Семен Акимович вложил блокнот в карман.

— Итак, наша программа занятий на сегодняшнюю экскурсию, дети, состоит в следующем: изучение почвы в кратком виде. Более подробно мы остановимся на опылении простейших видов растений. В два часа тридцать минут отдых с параллельным изучением видов речного песка. Затем, дежурные по классу займутся сбором растений для гербария, остальные учащиеся делятся на группы, которые...

— Васька, опять ящерица! — шепнул наблюдательный Ковригин.

— А ну тебя к чорту! — сухо заметил сосед. — Она кто, твоя ящерица, — флора, фауна или явление природы?

— Лопнула, — вздохнул толстый Петриков.

— Кто — лопнула? — зевнул Васька. — Ящерица?

— Нет. Купанья лопнула. Цветы наклеивать придется.

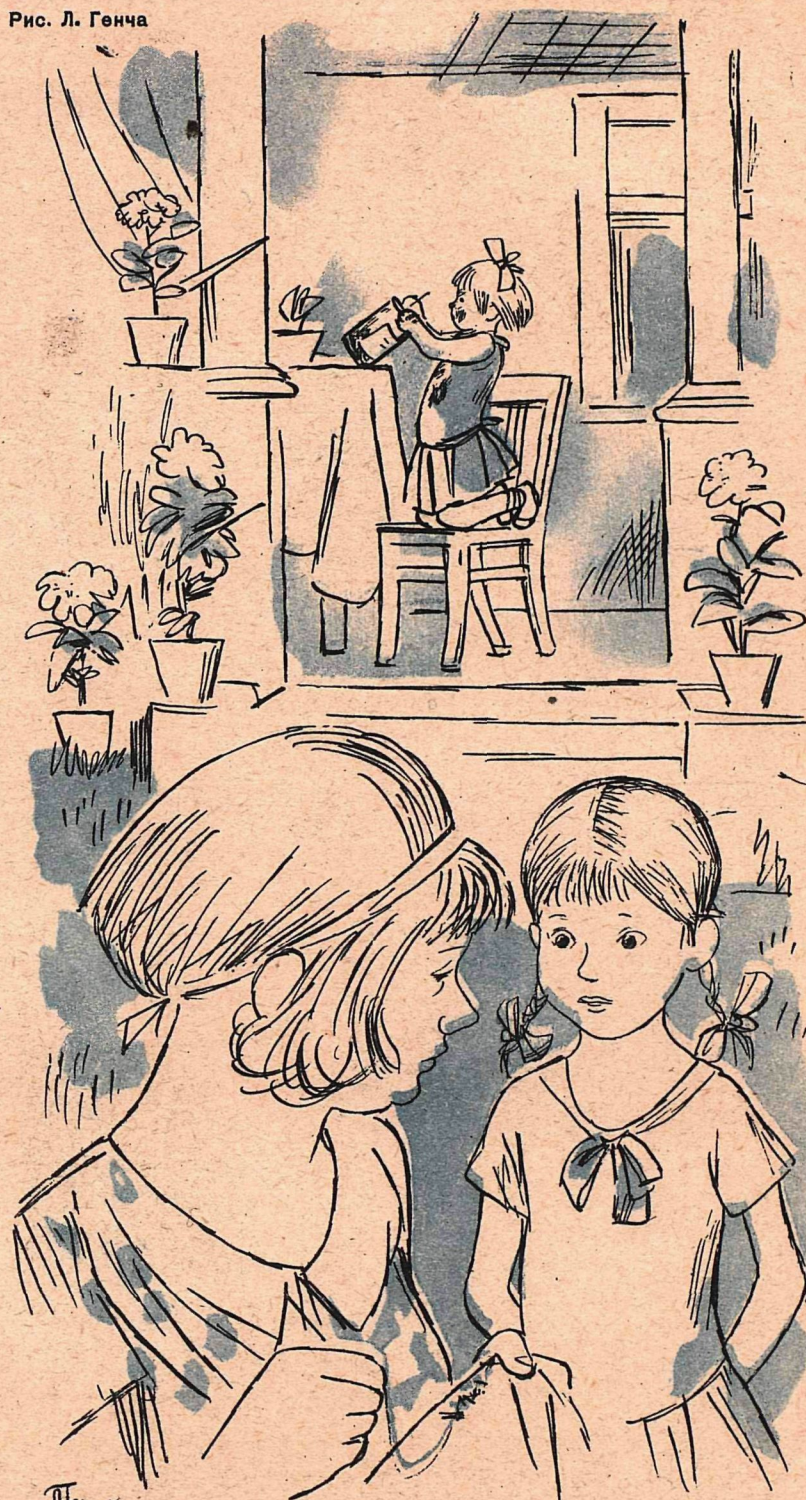
Девочки прилежно вынимали толстые общие тетради и искали карандаши.

— Итак, пишем, дети. В условиях пригородной местности произрастание простейших видов растений, запятая, которое мы наблюдали, запятая, является...

— Семен Акимович, — сурово перебил его толстый Петриков, — а мы домой скоро пойдем? Скорей бы уж, что ли!

— В семь тридцать пять. Является, запятая... Является, запятая... Тебе что, Канопицына?

— Я прошу меня освободить от занятий. По домашним обстоятельствам. У меня голова болит.

Петр 36.

— Мама, может ты уже отменишь санкции: Катя все равно все варенье съела.

— Принеси завтра записку от родителей. Сядь в сторону и не мешай твоим товарищам заниматься.

На большом раскидистом дереве робко пискнула птица, прислушалась к голосу Семена Акимовича и замолкла. Трава перестала быть травой, а стала флорой. Солнце не столько грело, сколько мешало записывать. И даже речка проглядывала сквозь кусты неуютной каемкой, около которой скопились еще не изученные виды прибрежного песка.

Освобожденная от занятий Канопицына успела поймать записку от Петрикова:

«Сонька, теперь бы в школу — здорово! Я для двора придумал одну игру; будто вы, девчонки, янталопы, а мы охотники и вас ловим».

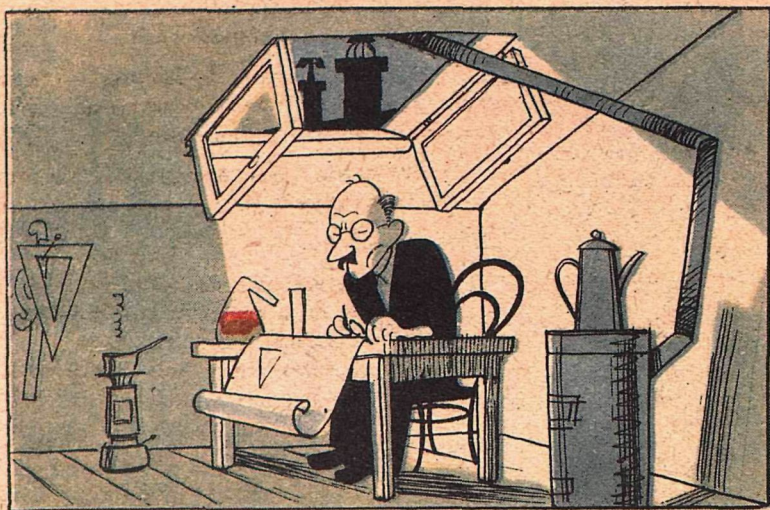
Петриков».

Канопицына сочувственно вздохнула.

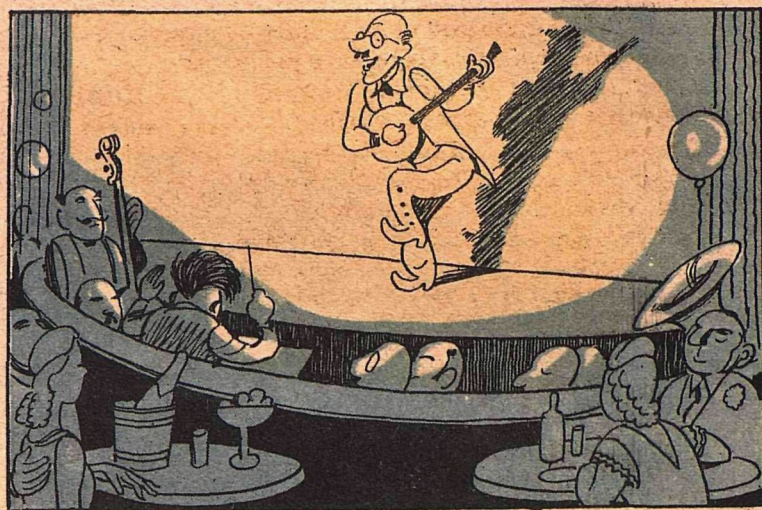
Арн. БУХОВ

ГЕНИЙ И ПРАКТИКА

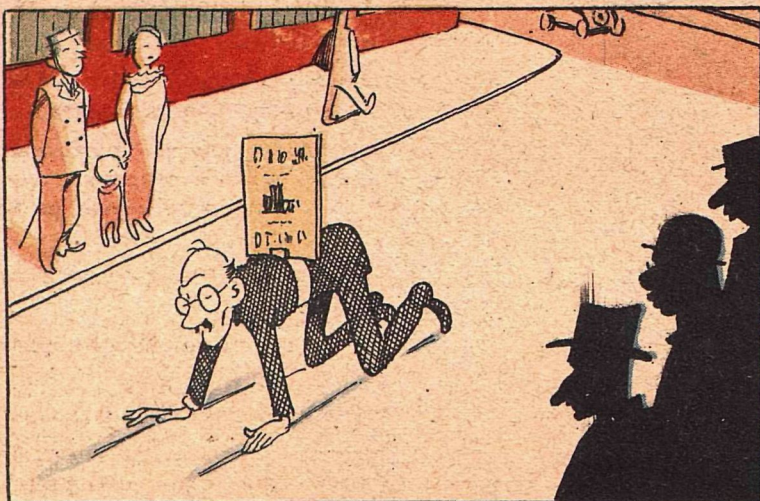
Рис. Ю. Ганфа

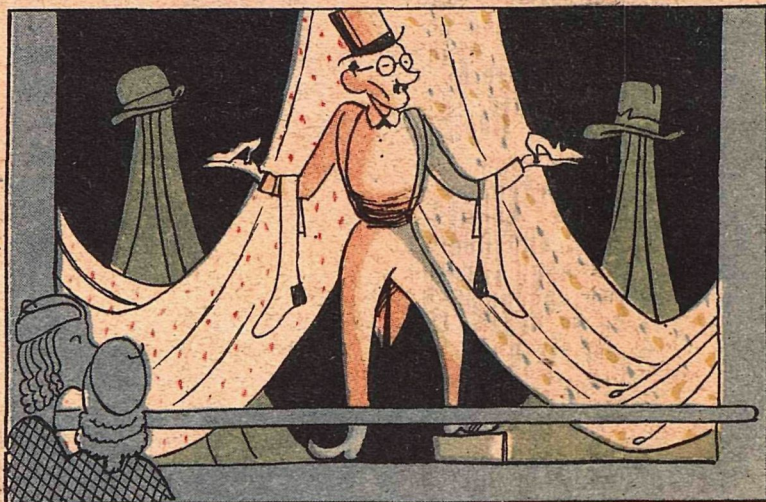
— Наконец-то мой долговечный труд окончен, — сказал самому себе гениальный европейский изобретатель, — недалек тот сладостный час, когда потрясенное человечество сторицей воздаст мне за перенесенные лишения и нужду. Но сначала нужно заработать немножко денег на рекламу в прессе и на оплату долгов.

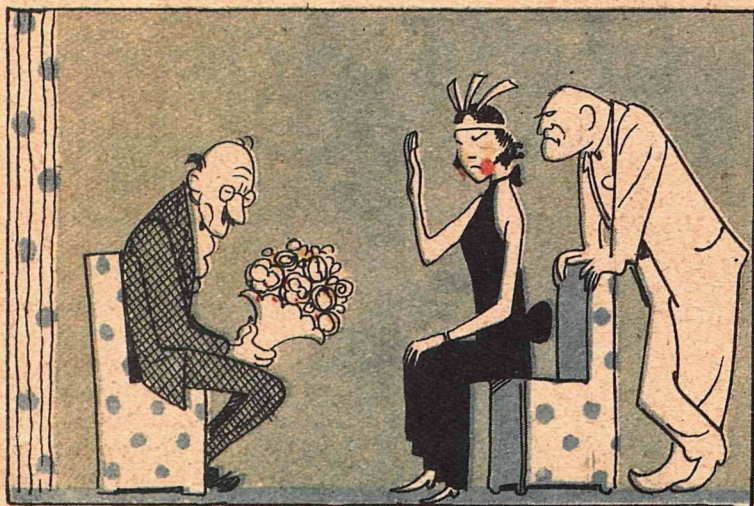
За отсутствием на бирже труда подходящей работы гениальный изобретатель некоторое время выступал в небольшом мюзик-холле с отдельными кабинетами, исполняя три раза в день, без особого успеха, популярную песенку: «Подя сюда, моя кошечка, я почешу тебя за ушком».

Исполнение популярной песенки было настолько малопродуктивным, что пришлось прибегнуть к более сильному средству: настойчивый изобретатель отправился в длинный сенсационный пробег на четвереньках, приспособив на спину плакат о своем гениальном открытии.

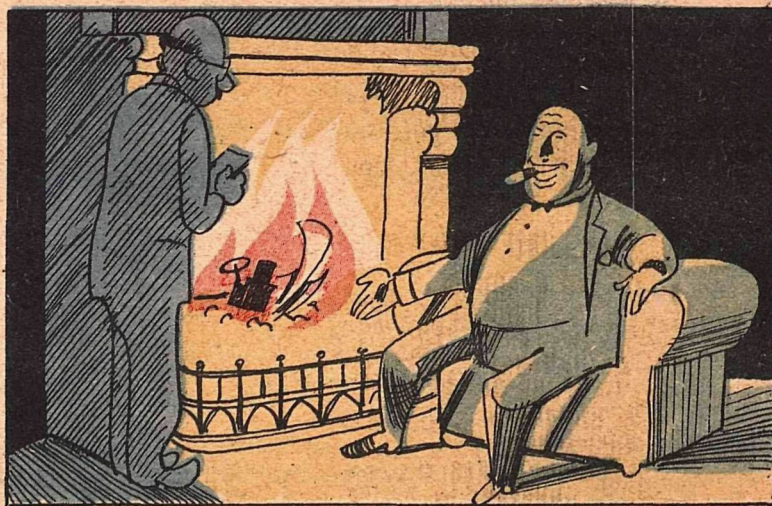

Увы, даже сенсационный пробег на четвереньках не растопил ледяного равнодушия прессы. Только какой-то медицинский журнал напечатал заметку о пробеге, указав на слабую постановку надзора в сумасшедших домах. Пришлось поступить в магазин на должность живого манекена. Это дало возможность купить новые брюки взамен погибших во время пробега и попутно приобрести ревматизм.

Нашлись добрые люди, которые пытались устроить гениальному изобретателю женитьбу на дочери одного солидного господина с умеренными взглядами и москательной лавкой.

— Только, пожалуйста, без всяких там изобретений, — предупредил папа, — не люблю я этого. Будете помогать мне в лавке плюс супружеская нежность.

И, наконец, когда всякие надежды на реализацию изобретения были потеряны, гениального изобретателя вызвал к себе известный капиталист-миллиардер и сказал:

— Я готов купить у вас патент на ваше изобретение. Но с одним условием: вы обязаны на моих глазах сжечь свои чертежи в этом камине. Мне невыгодно ваше открытие: оно может снизить мою прибыль. Понятно?

Гениальный изобретатель вздохнул и согласился. Надо же хоть как-нибудь реализовать изобретение!

БИЕНИЕ МЫСЛИ

Из клуба «Центральный дом скорняка» расходилась публика. Человек в рыжей майке и синем драповом пальто, застегиваясь и громко зевая, сказал:

— Плохо у вас в «Доме скорняка» устраивают вечера... Докладчик унылый, об оппонентах не позаботились... Вчера вообще отменили просмотр. На той шестидневке начали концерт с опозданием на два часа. И о чем только вы, правленцы, думаете?

Названный «правленцем» махнул рукой, потом лукаво усмехнулся и ответил:

- О чем думают правленцы? А вот завтра зайдя в шесть часов—увидишь!
- А интересно?
- Очень!
- Что ж, зайду!

На другой день оба собеседника сидели на диване в гостиной «Дома скорняка», отделанной во вкусе барокко фанерой двух цветов. Кроме них в комнате было еще человек семь. Самый внушительный по виду из присутствующих постукал карандашом о стол, смахнул у себя с лацканов крошки печенья и, решительно отодвинув недопитый стакан чаю, заявил:

— Граждане, без четверти семь. Можно уже начинать! — постепенно стало тихо, и он продолжал: — Итак, нам предстоит организовать в нашем клубе концерт с уклоном на предыдущие, а также последующие кампании. Обсуждение мы должны начать...

— С пригласительных билетов, — перебил кто-то с места.

— Ну разумеется! Предлагаю высказываться по этому вопросу, — подхватил председатель.

— Хотелось бы в этой области создать что-нибудь свеженькое, — раздумчиво проговорил один из заседавших. — Нам нужен такой пригласитель, которого еще нигде не было.

— Ну разумеется!

— Только что бы этакое двинуть?

Все задумались. А потом все заговорили:

— Может быть, написать текст не поперек билета, а вдоль, как китайцы пишут?

— Было. Сто раз было!

— Гм... Тогда, может, напечатать по диагонали, как резолюции пишутся?

— Хороша новинка! Вы бы еще клепанчики предложили, как на портфелях...

— Стойте! А что если весь текст изобразить зигзагом так: «уважаемый» — в одну сторону, зиг; «товарищ» — под углом в

другую, заг; «правление—зиг; «дома» — заг...

— Шаблонно это все... Все теперь так пишут... По-моему, надо поискать форму самого билета, его, так сказать, очертания... Вот мне видится треугольник. Одинарный или двойной, сложенный...

— Дом кино уже посылал треугольники.

— Разве?... Ну тогда — круглый билет. Как двугривенный, но немного побольше. И отдавая его при входе, все будут как бы платить контролеру...

— Похоже на чаевые. Отставить!

— Да... Лучше уж тогда вырезать его в виде какой-нибудь фигурки... Например, шкура енота, раз мы клуб скорняков.

— Типография не возьмется сделать такие.

— А жаль... Ну что ж, поищем тогда в смысле фактуры. Что вы скажете насчет билета в переплете?

— Было. И переплет был в Доме печати, и суперобложка, рисованная и из слюды.

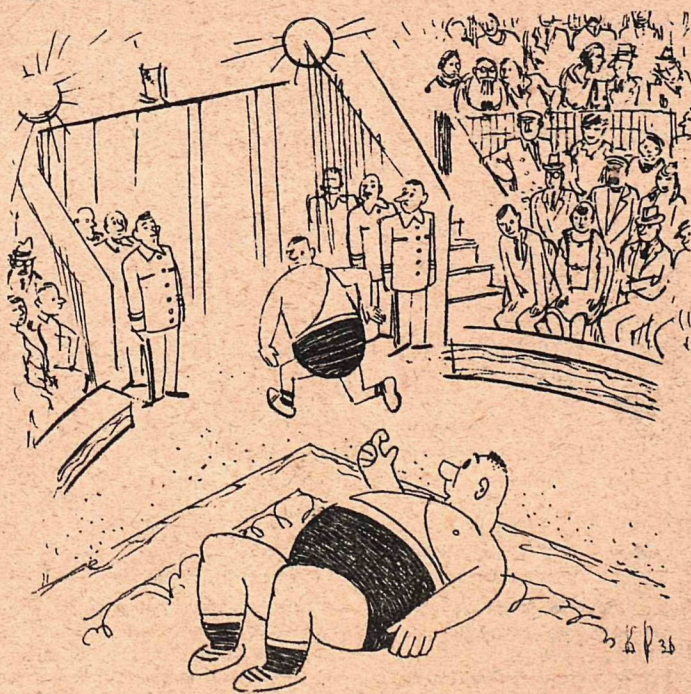
— Подождите! Кажется, я придумал! Сложим билет так, как складывают в ресторанах салфетки: этак пышно, островерхой такой тиарой. Андрей Афанасьевич покажет, как это складывают.

— Хотел бы я посмотреть, что от твоей пышной тиары останется, когда почта доставит эту тиару на дом приглашенным товарищам!

— Д-да... Нет уж, если складывать, то, знаете, корабликом, как детям из бумаги делают.

ДЕЛОВАЯ СПРАВКА

Рис. К. Ротова

— Вася, спроси у арбитра: может сегодня не мне, а тебе на лопатки ложиться?

— Почему корабликом?

— Ну петушком. По-моему, — приятно. Получает человек петушка, а на нем написано приглашение.

— Ерунда!.. Не вернуться ли нам лучше к стихам? Я тут кое-что набросал:

*«Будь ты шляпа или ферг,
Все ж беги на наш концерт!
И с собой тащи ты даму,
Все равно жену иль маму.
Постороннюю особь
По дороге не угрожь
И вводи к нам прямо в зало,
Как правление сказало...»*

— Банально. Стихи — это банально. Тогда уж лучше — шарада. «Мой первый слог — животное, второй слог — не животное, третий — гласная буква, потом — согласная, потом — опять гласная... а на целое приходи в «Дом скорняка» ровно к 8 часам вечера...» Что-нибудь такое.

— По-моему, забавнее ребус. Нарисован конь, и около хвоста запятая...

— Причем здесь хвосты и запятые? Лучше давайте пошлем строгий, солидный билет, но напечатанный не на бумаге!

— Мадаполамовые билеты уже были у текстильщиков.

— И фанерные были. И целофановые.

— И мраморную крошку пользовали.

— А что если сделать так: весь билет напечатать латинским шрифтом?.. Я уже вижу перед глазами... Товарищ Глазман, вы куда же?

— Я не могу оставаться. У меня еще заседание...

— Да, товарищи, хорошо бы кончать. Третий час преем.

— И кончим. Как придумаем билет, так и кончим.

— Товарищи, я предлагаю билет-хлопушку. Приглашенный получает хлопушку, дергает ее за концы, небольшой взрыв — и из хлопушки выпадает билет.

— Граждане, тут что-то есть!

— Определенно — идея!

— Просто гениально!

— Да, да это — то, что нам нужно!

— Теперь можно уходить...

— Граждане, не разбегайтесь!

Я предлагаю зафиксировать так: билет-хлопушка, а программу концерта и прочие детали поручить товарищу Семисокову. Единогласно? Отлично!..

— Теперь ты понимаешь, почему у нас такие вечера?

В. АРДОВ

Рис. Л. Сойфертиса

— Сначала, товарищ, пойдите в баню, а потом зайдете ко мне в амбулаторию.
— А нельзя ли наоборот, доктор: меня же после вашей амбулатории все равно из дому в баню пошлют.

ПАССИВНЫЙ ГЕРОЙ

Наблюдательные классики давно уже подметили, что если обыкновенный лицемер прикидывается кротким голубем, то лицемер политический пыжится сойти за орла.

— Ах, оставьте ваш зоопарк, — машет ручкой Шмурыгин, — вовсе я не голубь и никакой я не орел. Причем тут вообще политика? Судите о вещах и людях проще. Жизнь — это сервированный стол. Где же мой прибор? Вот в чем вопрос. Дайте мне пожизненную порцию свиного бока с кашей и больше мне от вас ничего не надо.

Оставьте меня в покое, видите: мне некогда.

И верно, Иосифу Евдокимовичу Шмурыгину сейчас не до отвлеченных разговоров.

Он ерзает на стуле в кабинете секретаря Шипуновского райкома. С беспокойной ласковостью отвечая на вопросы, он мучительно чувствует: отберут книжечку, наверняка отберут.

Книжечкой Шмурыгин называет свой партбилет. Волшебная книжечка. Для Шмурыгина она была и отмычкой к об-

щественному сундуку и патентом на безделье, на сытую, беспечную жизнь, на «безгрешные доходы», на незаслуженный почет.

...Шмурыгин волнуется, но секретарь райкома тов. Шокин — наредкость неговорящий человек. Открой ему душу, как другу, — что это будет?

— Тов. Шокин, ты не сомневайся. Конечно, я, как прикрепленный к комсомолу, ничего не делал, был у них лишь на двух собраниях. Но почему? А потому, что я все время в разъездах.

ЛИЧНЫЙ СТОЛ

Знаешь, доля кооператора: ищи товар, выполняй план, удовлетворяй запросы...

— Ладно, удовлетворяйте, торгуйте. Но ведь и пайщики называют вас бездельником, «кооперативной шляпой».

— Не освоился еще с работой, тов. Шокин.

— А давно вы работаете в кооперации?

— Да пяти лет еще нет.

— Расскажите, в чем смысл последнего решения партии и правительства о кооперации?

— Смысл? Текст припоминаю, а смысла что-то я не запомнил.

— Оно и видно по работе. А о роли стахановского движения можете внятно сказать?

— Внятно? Сразу не смогу.

— Почему же вы не читаете газет, стоите в стороне от партийной жизни?

— Некогда, тов. Шокин, честью тебя уверяю, некогда.

— Охотно верю. За скотинкой своей ухаживаете. Слышал. Но разве обязательно кормить свою скотину на кооперативный счет? И сами вы будто бы кормитесь «в кредит без отдачи»?

— Да, тов. Шокин, по совести скажу, был грех, исключительно по случаю тяжелого материального положения.

— А 500 рублей в кооперативе прикарманили? А ворованный хлеб присвоили? Колхозное сено стянули? Тоже по ошибке?

— Нет, тут теща делов наделала. И кто их выдумал, тещ этих? Вредные старухи!

— А детки у вас как поживают? Слышал я, в классе плохо учатся. По целым дням в карты дуются — мастера в карты играть. Кто научил? Тоже теща?

— Где ей, глупой бабе, — загорелся вдруг Шмурыгин, — она, тов. Шокин, не отличит червонного валета от бубнового туза. Я сам их обучил, моя школа! — и в несколько неуместном азарте он стал возбужденно тасовать воображаемую колоду карт.

— Так вот, — встал тов. Шокин, — райкому ясно: вам, мастеру картежного спорта, в партии делать нечего. Вы обыватель, дармоед, стяжатель, антиобщественный человек. Вы компрометируете нас мелкими плутнями, бытовой нечистоплотностью. Уходите и больше не художничайте и не забывайте адрес прокурора.

Нельзя категорически утверждать, что тов. Шокин именно так произнес свое заключительное слово. Но достоверно известно, что зря потрудились регистратор райкома, потерявший полдня, чтобы увековечить на бланке путаное и невразумительное жизнеописание нашего пассивного героя. Райком исключил Шмурыгина из партии.

В. ХАНДРОС

Ефим Алексеевич Придворов. Сокращено: Демьян Бедный. Ухитрился за 25 лет литературной работы не написать ни одного непонятого стихотворения. Сохранил полный голос в советской поэзии, несмотря на хрипоту некоторых из бывших соратников. Изучается в школах как баснописец; поется народом как лучший песенник; читается всеми грамотными как большой мастер и, вообще, популярен как Демьян Бедный.

Начальник Окско-Волжского пароходства тов. Муругов заведует тихоходами двух рек. Каждый из тихоходов на короткой ноге с пристанями: подходит, когда кричат, и стоит, сколько хочешь.

Помещаем портрет тов. Муругова как заслуженного деятеля опозданий и мастера непредвиденных стоянок пароходов.

Тов. Билямедин Нажметдинов — специалист по чистоте и порядку.

ку. Сорок лет не расстается с той самой метлой, которую часто называют «калевой». Короче — старейший московский дворник. Юбилей его сорокалетней работы недавно был отмечен общественностью. Желаем почтенному юбиляру еще много лет трудиться на фронте чистоты и порядка.

Уже несколько устаревшая истина: «Нет дыму без огня» — блестяще опровергнута продукцией некоторых фабрик спичечного треста. Оказывается, что не только от любви до ненависти, но и от дыма и запаха до огня — большой шаг. Пользуясь этим открытием, помещаем портрет гения негорящей спички — начальника Главспичпрома тов. Эбарского. Вот до чего доводит неосторожное обращение с огнем.

Отдаленный потомок сказочного Петра Скуловорота — капитан киевской футбольной команды «Динамо» Константин Фомин. Инсценирует во время футбольных матчей любое историческое происшествие: битву при Калке, нашествие Мамай или даже налет печенегов на мирное население. Не будучи юристом, в состоянии сбить любого судью. Сбитого выносят на руках. Любит ударить по рукам зарвавшихся игроков, в силу чего игроки прячут от него не только руки, но и ноги и головы.

Новый Карамзин нашей эпохи — директор Московского треста кафе и ресторанов тов. Гитис. Пишет «Письма русского путешественника» по европейским ресторанам — с лирикой, надрывом и подробным описанием удобств и комфорта. Насаждают эти приятные удобства в подведомственных ему ресторанах не торопятся. Ждет, когда иссякнет собственная лирика и пришлют заграничное оборудование. Подчиненными любим как грусть о порядке и культуре. Сам в подведомственные рестораны не ходит. Не те нервы, не тот желудок.

Начальник управления транспортных буфетов Наркомвнуторга тов. Каменский. Победитель закусок и жарких на водах Союза и бутербродов на транспортной суше. Командует непобедимой армией буфетчиков, снабженной всем необходимым для наступления, кроме свежего провiantа. Будучи скромным человеком, пыль в глаза не пускает, оставляя ее на буфетах пристаней и вокзалов. Как друг пассажира и целитель способствует диетическому питанию в дороге сухой колбасой, назначая бешеные цены на буфетные блюда.

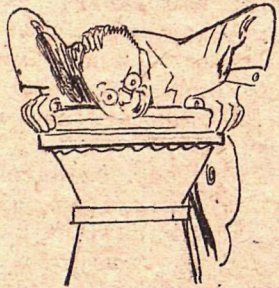
ЗАКРУГЛИЛИСЬ

Иллюстрации К. Ротова

Уже установлено, что ревматикам охотнее всего говорить о своих недугах.

Единство недомогания роднит этих грустных людей. Роднит на базе крепкого пессимизма и попыток обмена опытом.

— Рекомендую мазать пятки камфарным маслом, — начинает светскую беседу наиболее маститый ревматик. —

.. Начинают выступать ошеломленные авторы.

В нашем деле пятка — это главное. Пятка, как это говорится в науке, — ключ к организму. Помазал — и легче.

— Уберите вашу пятку, — нервно откликается начинающий ревматик. — Пятка — это мещанство. Обывательский слушок. Я за внутрь. Пейте липовый отвар с лимоном включительно — и все пройдет. Снимает как рукой.

— Будучи по происхождению суставным ревматиком, — вмешивается третий, — я стою единогласно за ватный жилет. Грейте поясницу, а остальное приложится. Я кончил.

— ... Автор должен писать на исполнителя.

Дружеская, непринужденная беседа затягивается до позднего вечера, когда ревматикам, вкряхтя и негодуя, расходятся по домам. О настоящем лечении не может быть и речи. Периферийные ревматика признают только домашние средства.

Приблизительно такой же разговор и с теми же последствиями напоминало по-

следнее московское совещание по вопросам эстрадной драматургии.

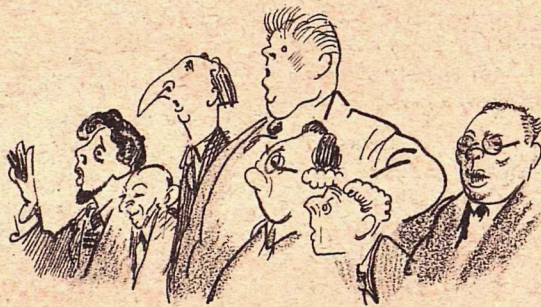
Как и предыдущее.

Все каноны теплой беседы ревматиков были соблюдены и на нем.

По этим канонам обычно прежде всего выступает представитель Главреперткома и начинает читать наспех выбранные цитаты из гениальных опусов полутитанов эстрадной драматургии.

— Что пишет автор Пинькина? — спрашивает представитель Главреперткома настроившийся зал, скорбно блестя усталыми глазами. — На сегодняшний отрезок времени мы имеем такую частушку у автора Пинькина:

«Шла мамаша, шла папаша
Мимо бывшего села,
Это значит общественность наша
Строить колхозы начала!»

— ... Не мы писали!

Зал стихает. Титаны ухмыляются, полутитаны, у которых от волнения развязываются шнурки на ботинках, трепетно ждут, кого процитирует дальше.

— А что пишет автор Минькина? — продолжает реперткомовский оратор. — В своем скетче «Пить дать» он накопановал такую фразу: «Вера, не сиди в пальте, а поезжай на метре ловить классового врага проклятого прошлого». Вы писали? — гремит докладчик.

— Не мы писали! — гремят в ответ титаны и полутитаны. — Минькин с Пинькиным писали! Мы их не знаем. Они люди неизвестные и фигуры не имеют.

— Ага, — торжествует докладчик, — фигуры не имеют, а на эстраде халтуру разводят?

— А вы не пропускайте халтуры, — предлагают эстрадные драматурги.

— А вы не приносите хал-

туру! — парирует главреперткомовец.

И сразу закружляется:

— Одним словом, освободите себя от Минькина и Пинькина — и все будет благополучно.

Со следующим деловым советом выступает обычно представитель союза писателей. Он — за внутрь.

— Эстрадных авторов, — говорит он тоном скучающей леди, рассматривающей лягушку на чайном столе, — вообще надо выгнать из союза. Трилогии они не пишут, частушек с продолжением в толстых журналах не печатают, вообще живут, вообще зарабатывают... Действительно, не выгнать ли их, может, они на исторических романистов переквалифицируются?..

После этого возгласа выступают эстрадные исполнители, у которых свои рецен-

и что вообще от эстрадного ревматизма нет никаких мер спасения.

Одни авторы, орошая крупными слезами мокрую трибуну, клянутся, что они больше не будут и вообще уйдут в леса и скиты от эстрадного творчества. Другие, наоборот, клянутся вернуться к творчеству и впопыхах даже обязуются переделать к

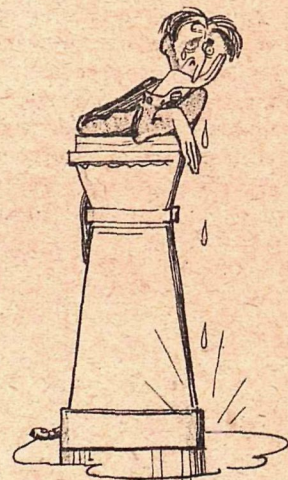

— ... Эстрадных авторов вообще нужно выгнать...

ближайшей юбилейной дате всю пушкинскую «Полтаву» на раек с четкой.

Писатели, рассказы и стихи которых исполняют на эстраде, испуганно вытекают из зала и умоляют зловещим шопотом друг друга около вешалки:

— Имейте в виду, что я даже не был здесь. Я был на концерте гитариста Сеговня. А вы?

— ... И вообще уйдут в леса и скиты...

— Тоже не был. И с вами рядом не сидел. Гулял.

И совещание заканчивается.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

КАКАЯ НОГА?

Добродетельные управделы в аскетических толстобках долго не пускали так называемый западный танец в профсоюзные клубы. В крайнем случае, управделы соглашались на неизвестную в городе карманьолу. И то не в клубе, а на площади. И чтобы танцующий держал в руках плакатик с каким-нибудь организующим лозунгом.

Танцевать просто так, потому что весело, теоретики-управделы решительно запрещали. Танец должен был кого-то на что-то организовывать, куда-то звать и даже чем-то подковывать.

Молодежь отвечала на это тем, что танцевала «западные» танцы дома, опустив занавески на окна.

Все это — давно прошедшее время. Плюсквамперфектум. Аскетические управделы сейчас первыми открывают учрежденческие балы, милицейские оркестры играют фоксы и блюзы в периферийных парках, и очень часто бывает так, что первый стажановец в цехе — в то же время это и не последний тангист по всей округе.

Наблюдается даже некоторый перегиб, как говорится, в области западноевропейского танца. Без этого у нас пока не могут. Кое-где завели

обычай танцевать в учреждениях и даже во время обеденного перерыва. Суровые курьеры на скорую руку выгоняют посетителей из операционного зала. Старшая машинистка заводит патефон. Пыль стоит столбом, изгнанные из рая посетители покорно ожидают в вестибюле, пока пройдут законные полчаса и ревящиеся сотруднички, утирая трудовой пот, снова усядутся на свои стулья.

В огромном количестве расплодилось частные и полупчастные студии западных танцев. Проворные молодые люди с паюсными проборами и бледные девицы, неизвестно кем награжденные званиями ассистентов, лауреатов и даже академиков западных танцев, обучают желающих как бог на душу положит, зачастую прививая им в своих студиях дурной вкус и невыносимо пошлые манеры. Кто они, эти молодые люди? Кто, собственно, дал им право преподавать?

В Кисловодске в «академиках западного танца» долго состоял уволенный из парка монтер. Уроками он стал зарабатывать 1500—1800 рублей в месяц, раз в пять больше чем на электростанции в парке. В Ростове на Дону культуру западного танца насаждал парикмахер — неудачник по своей основной профессии. Об этом писали газеты. А в Москве?

... На Кировской, на стене дома № 41, висит большой красочный плакат. Он сообщает, что при столовой № 28 открыта студия западного танца. За 10 уроков желающий может постигнуть 6 танцев: квинстеп (быстрый фокстрот), блюз, кореско и т. д. Запись в бухгалтерии.

Ориентируясь на отстоявшийся густой запах прокисшего борща, я нахожу вход в столовую № 28. Юная уборщица, оглядев меня с головы до ног, неохотно открывает дверь, вытащив из дверной ручки большое, заменяющее замок полено. Я вхожу в зал, где уже идет дрессировка будущих призеров, и тихо сажусь в сторонку.

Молодой блондинчик в сером костюме и грязных бе-

лых туфлях стоит посреди зала. Отставив назад правую ногу, он кричит фельдфебельским фальцетом своей пастве:

— Какую ногу я отставил?

— Правую! Нет, левую! Правую! Левую! — нестройно гудят будущие призеры.

— Плохо, плохо. Начнем сначала. Какая нога?

Затем начинается дрессировка «дам». Среди них много пожилых, с почтенными сединами в прическах. Они теряются еще больше, путают правые и левые ноги, стесняются и двигаются так, словно пол — это не пол, а тонкий ледок, который вот-вот провалится.

Мое появление замечено: объявляется перерыв, и блондинчик в грязных туфлях грозно направляется прямо ко мне.

— Что вы здесь делаете, товарищ?

— Смотрю.

— Смотреть у нас нельзя. Надо танцевать.

— Я хочу узнать сначала ваш метод, чтобы потом записаться в бухгалтерии.

Блондинчик смягчается:

— Тогда пожалуйста. Хотя... все равно у нас нельзя смотреть.

Он недовольно отходит, подозрительно поглядывая на настойчивого посетителя. Уж не принимает ли он меня за своего конкурента, заскочившего в общедоступную столовую № 28 для того, чтобы переманить его учеников в какую-нибудь знаменитую академию при пивном баре № 38?!

Урок возобновляется. Теперь дамы танцуют вместе с кавалерами. Это — довольно печальное зрелище; третий урок, что вы хотите! Непослушные ноги деревянно волочатся по полу, потные лбы и шеи мучительно блестят, руки вытянуты судорожно прямо и напоминают палки, которыми протыкают копченных ситов. Вряд ли одолеют будущие призеры за десять уроков шесть западных танцев!

Но блондинчика в сером костюме это, повидимому,

беспокоит мало. Он лихо носится по залу со своей ассистенткой, выкрикивая увлекательные светские слова:

— Сейчас я вам покажу «зигзаг», потом «волчок», а потом переход от «зигзага» к «волчку».

Много ли ему, блондинчику, нужно? Дал кое-как своих десять уроков, получил пятьдесят рублей — и катится на все четыре стороны. Вы уже считаетесь обученными. А хотите еще поднатереть в «зигзагах» и «волчках» — запишитесь еще на десять уроков.

Юная уборщица не очень вежливо просит меня уйти. Бедная, ей, кажется, попало за то, что она меня пустила. Надо уходить.

... Люди хотят танцевать. Они хотят освободиться от противной скованности движений, хотят постигнуть тайну ритма, хотят наверстать упущенное в молодости. Ничего дурного в этом нет. Но почему же они отданы на растерзание блондинчику в грязных туфлях, который прививает им манеры и грацию довоенных писарей и почтово-телеграфных чиновников? Опять, видно, зевают профсоюзные клубы. А между тем именно они могли бы дать бедным будущим призерам и хорошего преподавателя и культурную обстановку для веселого танцевального учения.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

— Десять раз уже писали в облОНО о высылке детских пьес!
— А теперь снова туда же пишете?
— Да нет. Теперь просто сами пишем пьесу.

ДВАДЦАТЬ ДВА МЕСЯЦА

СУДИТЕ МЕНЯ ПОСКОРЕЙ!..

Он ходил по улицам родного города, и на него указывали пальцами:

— Это тот самый. Семен Лория. Он привлечен к судебной ответственности. За вредительство. Мерзавец!

Это было здоровое возмущение советских граждан против человека, который совершил тяжкое преступление перед государством.

Семен Лория все это понимал. Он не был в обиде на друзей. Его мысли были заняты другим. С утра до вечера он бегал по различным инстанциям Тифлиса и всюду говорил одно и то же:

— Почему я до сих пор на свободе? Судите меня поскорей!

Его не хотели судить. О тяжком преступлении этого закоренелого преступника как будто забыли. И ходил Семен Лория долгие месяцы, таща на себе позорное клеймо преступника, мрачное звание подсудимого...

НЕ НАДО ВОЛНОВАТЬСЯ ...

После демобилизации из Красной армии командир запаса Семен Лория поступил на работу в Грузсовхозсекцию.

То ли не взлюбили его тамошние начальники, то ли надо было прикрыть какие-то свои темные дела и найти для этой цели козла отпущения — подробностей мы еще не знаем, но в мае 1934 года Лория уволили.

Не просто уволили. Так каждый может. Нехитрое дело и к тому же рискованное. Начнутся жалобы, расследования и прочая волокита.

Нет, Гибрадзе, начальник сектора снаббца, Гоголашвили, бухгалтер, и другие сановники из Грузсовхозсекции более предусмотрительны, чем вы думаете. Они увольняют Лория и передают

его суду за вредительство и за причиненные государству убытки в размере 30 тысяч рублей. Пускай парень почесается и докажет, что он не виноват.

Лория обращается за помощью и содействием к лицу, возглавляющему Грузсовхозсекцию, — к Макарию Бедия. Тот внимательно выслушивает, но...

Бедия говорит Семену Лория:

— Посмотрим, кто из вас двоих окажется прав: либо вы будете отвечать за вредительство, либо Гибрадзе — за клевету. Посмотрим. Не надо волноваться.

Но Семен Лория несмотря на советы начальника все же волнуется.

ОДИННАДЦАТЬ

Его дело направлено к прокурору Сталинского района города Тифлиса Георггадзе.

Одиннадцать месяцев Семен Лория числится вредителем, преступником.

Он почти ежедневно ходил в прокуратуру. Писал заявления. Но прокурор не спешил. Что ему какой-то малоизвестный сотрудник Грузсовхозсекции?

А когда через одиннадцать месяцев прокурор удосужился заглянуть в дело, он невольно улыбнулся. Ничего серьезного. Никаких доказательств. Пустяки! Дело было прекращено.

Семен Лория — больше не подсудимый, не преступник, не вредитель.

Однако погодите радоваться. Умерьте свои восторги, дорогие товарищи. Не спешите поздравлять Семена Лория.

ЕЩЕ ШЕСТЬ

Когда отцы-благодетели из Грузсовхозсекции узнали, что Семен Лория признан невиновным, они ничуть не удивились, но весьма опечалились.

И немедленно против Семена Лория выдвигается новое, свежее испеченное обвинение. В прокуратуре, у того самого чуткого и отзывчивого прокурора Георггадзе, заводится новая папка — о расстрате С. Лория десяти тысяч рублей.

Семен Лория — опять преступник. Семен Лория опять путешествует от одной инстанции к другой — по старой, проторенной тропинке.

Семен Лория опять требует:

— Судите меня поскорей!

Но не такой прокурор Георггадзе. Он не любит торопиться. И вообще не может он заниматься так часто делом какого-то Семена Лория. Подождет.

Так проходит шесть месяцев. И лишь потом, после вмешательства Совнаркома Грузии и Комиссии советского контроля, прокурор Георггадзе заглянул в папку, посвященную Лория.

— Опять та же история! — заметил прокурор, сладко позевывая. — Опять он невиновен. Вот надоел!..

Дело было прекращено.

Однако погодите радоваться. Умерьте свои восторги, дорогие товарищи. Не спешите поздравлять Семена Лория.

ЕЩЕ ПЯТЬ, ИТОГО—ДВАДЦАТЬ ДВА

Итак, второй раз доказано, что Семен Лория не совершал никаких преступлений. Но, тем не менее, в его трудовом списке осталась печальная строка: «Уволен за вредительство и предан суду». Как жить и работать с этакой вот строчкой?

Семен Лория обращается в суд Сталинского района города Тифлиса. Он просит исправить его трудовой список и присудить ему деньги за «вынужденный прогул».

Дело тянется пять месяцев. Наконец, всей этой историей заинтересовались Верховный суд Грузии и Бюро жалоб Центральной комиссии советского контроля.

Семен Лория восстанавливается во всех своих правах: исправляется трудовой список, он получает около 6 тысяч рублей...

Надо сознаться, что, описывая эти события, мы проявляем большую скупость на слова. Мы не хотим обременять читателя невеселыми подробностями.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело № 2/3246 гражданина Лория делается. Мы не описываем всех мытарств Лория, пока, наконец, он добился полной своей реабилитации. Надо поскорей кончать наш фельетон, но...

НЕ ТОЧКА, А ЗАПЯТАЯ

Но мы не намерены ставить точку. Тут требуется запятая.

Лория оправдан, а...

А как же с клеветниками и бездушными чиновниками, которые похитили из его жизни двадцать два месяца, которые в течение почти двух лет издевались над человеком, над гражданином Советской страны?

В решении Верховного суда Грузии нет ни слова об этих личностях.

Почему?

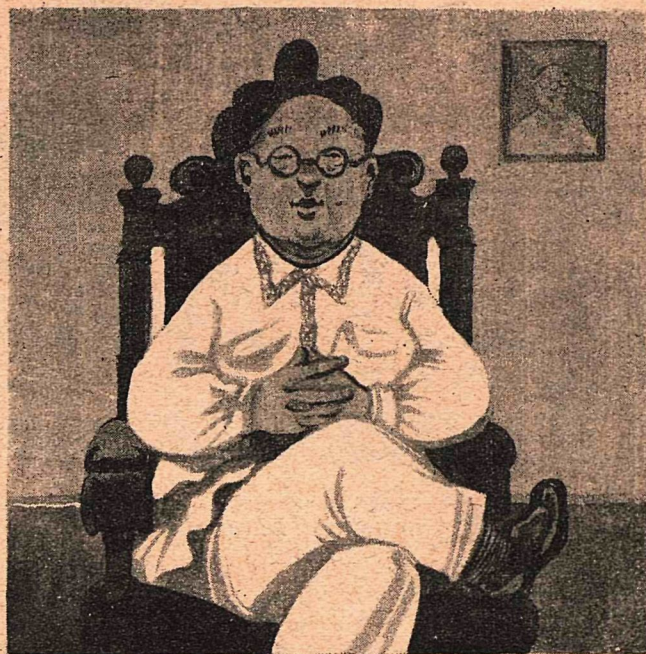
Г. РЫКЛИН

ТЕНИ НАД ГОРОДОМ ИЛИ РЕВНИТЕЛИ МЕСТНОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА

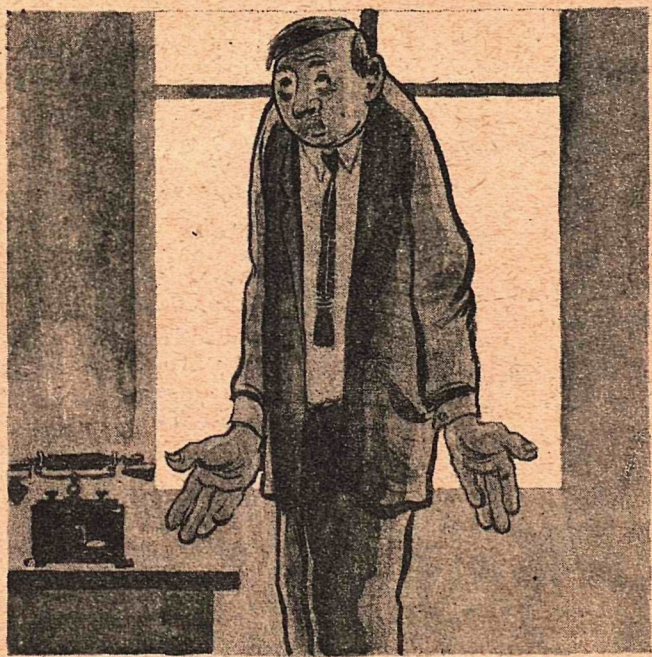
Рис. М. Храпковского

— Мостовые? Сады? Переулки? Мелочь. Я как председатель горсовета не желаю размениваться на пустяки. Я стою исключительно за дворцы и триумфальные ворота. Дворец иглы и при нем ворота со львами. Дворец сметаны и при нем ворота с наядами. Ну еще три — четыре проспекта, фонтаны, фонтаны сырой воды, баобабы по углам... А перед лицом будущего великолепия сейчас красить, мести, ремонтировать — мелко! Не тяните меня в обывательщину.

— Не понимаю, чего от меня хотят. Город — как город. Фонари горят, пожарные в касках ходят, в аптеках мятую продают, а на именинах у многих даже струнные оркестры играют. Какое еще нужно благоустройство? А что касается пыли или грязи, так она же местная. Не привозная. Денег не стоит. Наоборот, даже некоторая экономия наблюдается...

— Э, товарищи дорогие, из нашей дыры все равно ничего не сделаешь! Морей у нас поблизости нет, океанов — тоже, гор или каких-нибудь там пиков тоже незаметно. Типичная провинция. Может, баню городскую выстроим. Да и то пойдет волынка: дерево доставай, камень ввози, шпингалеты выписьвай... Нет, товарищи дорогие, далеко нам до Москвы либо до ихних Чикаго с Волпарайзами...

— План благоустройства, товарищи, перевыполнен нами на 107 процентов, товарищи. Что мы имеем на сегодняшний день, товарищи? Мы имеем новый почтовый ящик на площади моего имени, новый фонарь в переулке моего имени, а также внеплановую воду в колоде моего имени у дома бывшей вдовы Харинной, возле огородов.

И в то время, когда другие города на периферии растут, ширятся и одеваются в сверкающую зелень, у таких ревнителей, каких мы показали, города тонут в грязи, здания крошатся как гнилые зубы, фонари подмигивают подслеповатыми глазами, а население похрахтывает, виновато вздыхая:

— Сами таких выбирали... Другой раз не будем...

Пользуемся случаем отметить неустанную заботу о потребителе со стороны некоторых товаропроводящих организаций.

На первой фотографии: оборудованный в стиле сказочной роскоши и неясняемой фантазии мясной магазин в Вологде, рассчитанный на 85 000 местных жителей, а к стати, и на приезжих. Мы затрудняемся указать, кто работал над оформлением такого магазина, и вряд ли стали бы помещать эту фотографию, если бы не рассчитывали, что она попадет в руки членов Вологодского горсовета. Быть может, хоть это фото затуманит недреманные очи вологодских горсоветчиков, кото-

рых никак не может смутить, ежедневное созерцание этого печального зрелища.

На второй фотографии: новый базар в поселке завода «Красный Октябрь» в Сталинграде и его главный торговый пункт — зеленой магазин. К этой фотографии комментариев не даем, полагая, что количество покупателей, ежедневно скопляющихся у одного ларька, не менее количества той тупости в головах организаторов такого рынка, которые считают это явление нормальным.

МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Мы сидели в свежесбеленной комнате у местного товарища Додонова.

Легкий весенний ветер играл занавесками на закрытом окне.

За окном, в дымнозеленом оперении, стояло дерево и виден был кусочек районной улицы: белый дом с колонками и мезонином, палисадники, высокий забор, булыжник...

Раньше улица называлась Зеленой. Потом ее переименовали в Красную. Затем — в Малосоветскую. Из Малосоветской — в Ревпроспект.

Теперь это улица Робеспьера.

— Ну что же тут у нас! — грустно говорил Додонов. — Провинция, глухая, глубочайшая провинция. Впрочем, вы, москвичи, вежливые. Вы называете нас периферией. А чего церемониться? Валийте, кройте, насмехайтесь!..

Он вздохнул.

О, Додонов чувствовал Москву. Он знал, видимо, красную столицу вдоль и поперек.

Глаза его загорелись, голос становился металлическим. Вот, вот сейчас он заговорит пафосными виршами Тредьяковского!

Я взял его за руку.

— Додонов, послушайте. А разве у вас в городе нет ничего, решительно ничего хорошего?

Он сразу погас, осунулся.

— У нас? Ну что вы, насмешник, откуда?

— Тогда позвольте мне сказать, До-

донов. Я в вашем городе всего несколько дней. Срок, конечно, маленький, но я успел побывать, во-первых, в звуковом кино...

— В звуковом кино? — переспросил Додонов. — У нас в городе звуковое кино? Разве его уже построили?

— Второй год уже, осмелюсь доложить, работает...

— Да что вы?..

— Представьте. И в театре вашем побывал. «Аристократов» смотрел.

— Воображаю что за постановочка! Я в Москве смотрел. В Реалистическом!

— А я здесь. Ничего. Совсем не плохо! А днем был в вашей городской картинной галерее.

— Где это?

— В вашем городе, улица Воинствующих безбожников, дом № 7.

— Картинная галерея? У нас? Первый раз слышу... Ну и что же есть у них там живопись, скульптура?

— И скульптура и живопись. Картины голландской школы и итальянской. Есть и свои местные художники. Много ценного, интересного...

— Так, так, так! Что же вы еще у нас видели? — поинтересовался Додонов.

— Видел аэроклуб при заводе, дом пионеров. Был в библиотеке. Побывал в парке...

— В парке? Ну какой это парк! Я там, правда, не бывал. Но ведь это

же — просто сборище деревьев, обнесенных забором.

— Додонов, дорогой товарищ Додонов! Да ведь какое сборище деревьев! Там вековые дубы, там прекрасная пихта, береза, тополи...

— Да что вы?

— Конечно, этот парк запущен и не устроен, как многое еще не устроено в вашем городе. Но если за него как следует взяться, — какой там парк культуры можно разбить! Какие карнавалы можно устраивать, с джазами, с западными и восточными танцами, с мировыми аттракционами!.. И, кстати, какой у вас в городе красноармейский ансамбль! Как они замечательно поют! Как пляшут!..

— У нас? Красноармейский ансамбль? В городе? Где вы его видели?

— В клубе швейников!..

— Это какой же клуб швейников?

— При швейной фабрике...

— Как, разве в городе швейная фабрика, а не табачная?

— Есть и швейная и табачная.

— Вот как! — воскликнул Додонов. — Растет все-таки легкая промышленность...

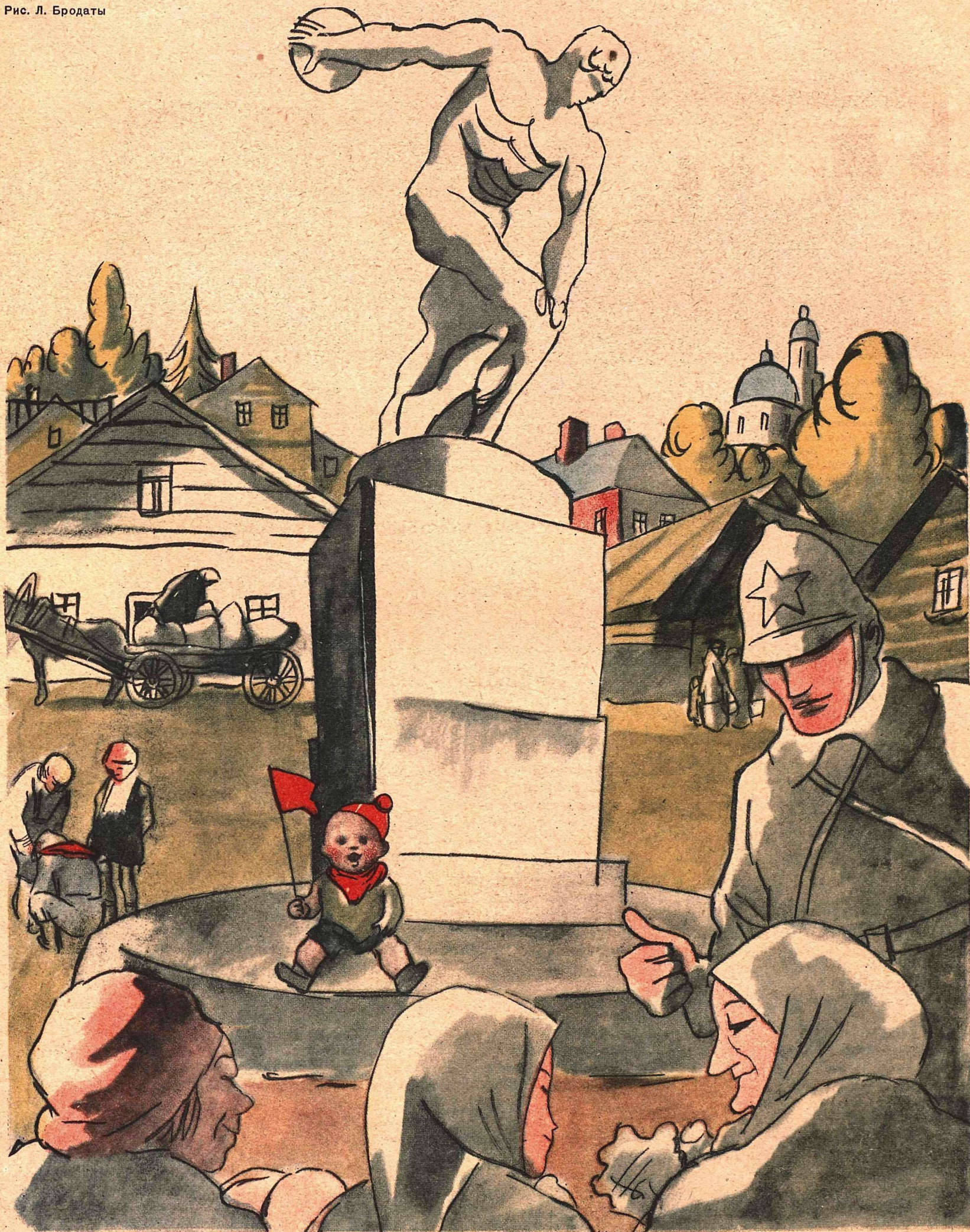
Я посмотрел на этого странного, безучастного к своему городу человека и, признаюсь, заколебался:

— Да кто же из нас — чорт возьми! — приезжий: я или он?!

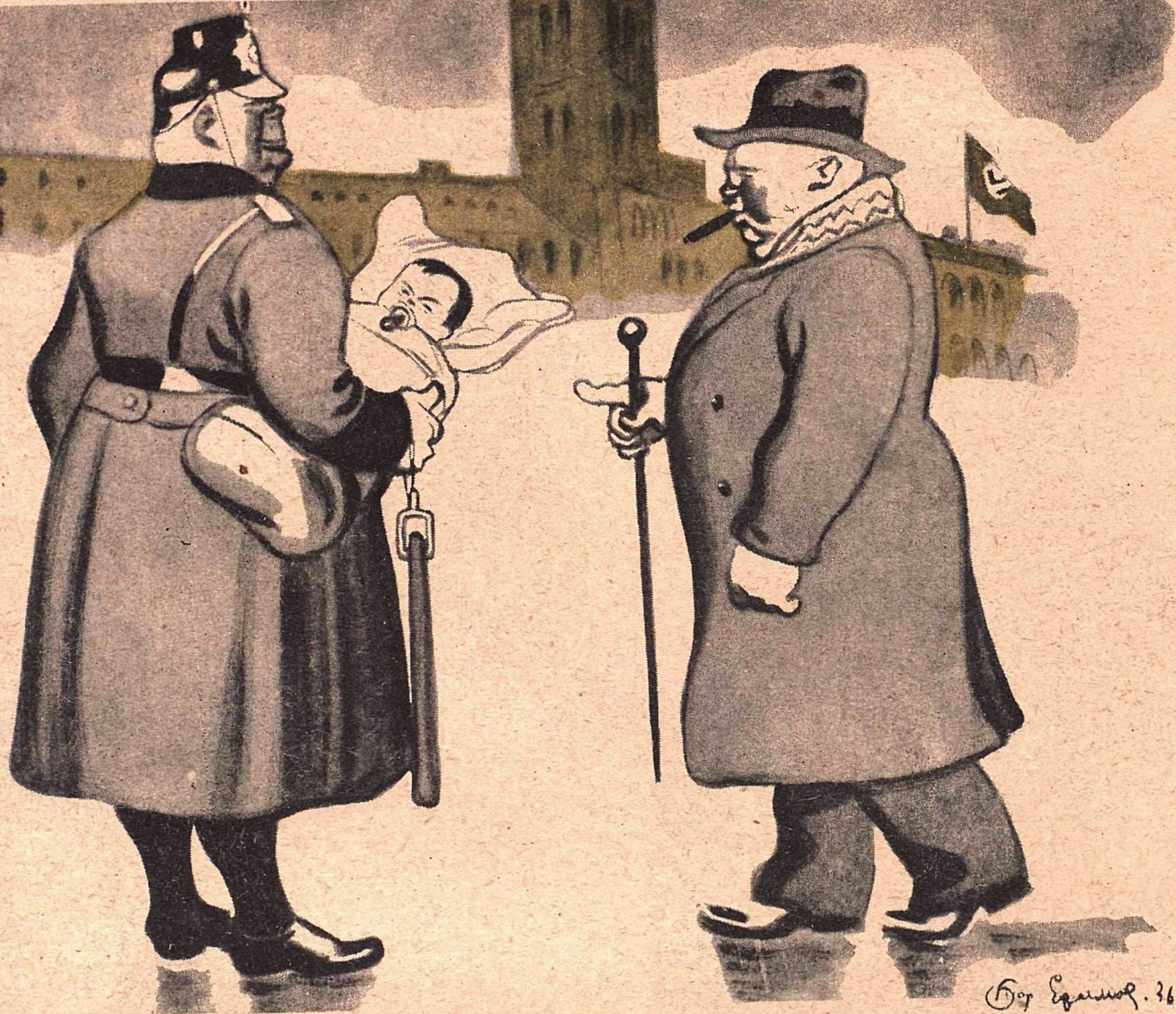
Л. МИТНИЦКИЙ

У СКОРОСПЕЛОГО МОНУМЕНТА

Рис. Л. Бродаты

- Давайте, гражданка, уберите ребенка!..
- Зачем?
- Как зачем? Еще памятник свалит.

— Подкидыша нашел?
— Нет, заложника за отца взял.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ГОЛОВЫ В СПИРТУ

Тяжело видеть человека, обремененного в своих лучших чувствах, надеждах и мечтаниях. Но уж совсем трогательное зрелище, когда рвет на себе волосы и шумно рыдает целая дирекция. Поэтому мы не можем не опубликовать горьких стенаний дирекции Чебоксарского спиртозавода, хотя бы в порядке простого ознакомления с ними широких кругов общественности.

Дирекцию поразили тяжкий удар: в опекаемых ею районах уменьшилось потребление водки. Оскорбленная дирекция разослала всем завмагам скорбное послание, в котором переливаются алмазами грусти и сапфирами отчаяния такие, например, строки:

«За январь и февраль сбыт водки по Вашему магазину резко снизился. В чем дело?»

«Перестали пить, культурно стали жить, или колхозники мало стали пить, как

многие хотят объяснить этим свою плохую работу?»

Встав перед грозным фактом уменьшения потребления водки, дирекция спиртозавода даже не предлагает никаких реальных мер борьбы с этим «позором» наших дней. Она только лирически скорбно осведомляется у завмагов:

«За что? За что?»

Но не таковы люди на Уралмашзаводе. Там не признают лирики в таком ответственном деле. И местная газета «За тяжелое машиностроение» поместила следующее объявление:

«Магазин Главспирта № 19 включается в стахановский месячник».

Перефразируя слова гоголевского Аммоса Федоровича, мы по этому поводу можем сказать только одно:

— «Еще хорошо, если только пошляки, а может быть, и того еще хуже»...

НА ГРАНИ ТУПОСТИ

Мы склонны думать, что редакция журнала «За рубежом» очень внимательна к своим читателям. И тем не менее вот письмо явно срочного и делового характера, на которое редакция «За рубежом» вряд ли смогла бы ответить готовностью и согласием:

«г. Москва. Журнально-газетному объединению «За рубежом». Оржикский райземотдел, Харьковской обл., просит выслать

две шт. шипцов для номерации овец и 1000 шт. ушных номеров к ним с набитыми порядковыми цифрами. Высылайте наложенным платежом по адресу: УССР, почта Оржицы, Харьковской обл., Райземотдел. Выкуп произведем немедленно по получении извещения».

Повидимому, остальной ассортимент для обслуживания овец заказчики предполагают разослать по другим массовым журналам. Каково же будет удивление этих наивных добродушных людей, когда ни один из литературных журналов не вышлет им даже требуемого комплекта ушных номеров. Вот и верьте после этого периодическим изданиям!

ДОКУМЕНТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ТАИСТВЕННЫЙ АКТ

Акт, составленный в Журавлевском совхозе Забайкальского животноводческого треста:

«Забита корова № 32077 10 лет причина убоя. Хроническое воспаление копыт для снабжения полеводческой бригады».

ЛЮБОВЬ К ПОРЯДКУ

Из постановления президиума харабинского райисполкома, Сталинградского края (28 марта 1936 г.), о порядке продажи спиртных напитков:

«Пункт 7. Воспретить продажу всяких спиртных напитков малолетним лицам, находящимся в нетрезвом виде».

НЕ СПУЩАЯ СМЕСТА

Из постановления президиума илимского сельсовета, Н.-Илимского района, Восточно-сибирского края:

«1. Повести борьбу с фулеганством пьянкой разгледьяством И Т Д примать за первый поступок штраф до 10 рублей не спущая сместа.

2. Запретить улешнюю поеску на автомашинах в случей занарушение настоящего постановления принимать штраф до 10 руб. если вторично будет поевляться то принимать через следственныя органы».

Рис. Л. Бродаты

— Уходя, туши свет, Анелька... Освещение стоит так дорого...

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Мы, студентки Воронежского университета, спрашиваем тебя, как следует понимать статью «О любви молодого человека в социалистическом обществе», которая напечатана в университетской газете «За научные кадры» и кончается так:

«Быть в дружбе с девушкой — это значит с отточенным орудием идти на борьбу с жизненной стихией и быть в ней победителем».

Мы не против того, чтобы с нами дружили молодые люди в социалистическом обществе. Но мы хотели бы, чтобы руководство университетской газеты

хотя бы в дальнейшем признало нас живыми полноправными членами общества, а не определяло как орудие, хотя бы и остро отточенное.

Студентки

ШЕПЕЛЕВА,

ПАНАСЕНКО и др.

Воронеж.

Дорогой Крокодил!

У нас в Ялте слава лучшего ресторана в городе, например, обошлась нам в 725 рублей. На эту сумму наш ресторан № 4 получил от Курортснаба счет за переходящее Красное знамя, преподнесенное

нам щедрыми руководителями последнего. Это дорогое знамя, которое закладывалось почему-то в Тифлисе, мы повесили в зале, а оплаченный счет держим в кассе. Если знамя у нас отобьет другой ресторан, мы этот счет, в свою очередь, перешлем победителю. Раз знамя переходящее, пусть и счет будет переходящий.

Директор ресторана
А. МАНТАШЯН.

Ялта.

Товарищ Крокодил!

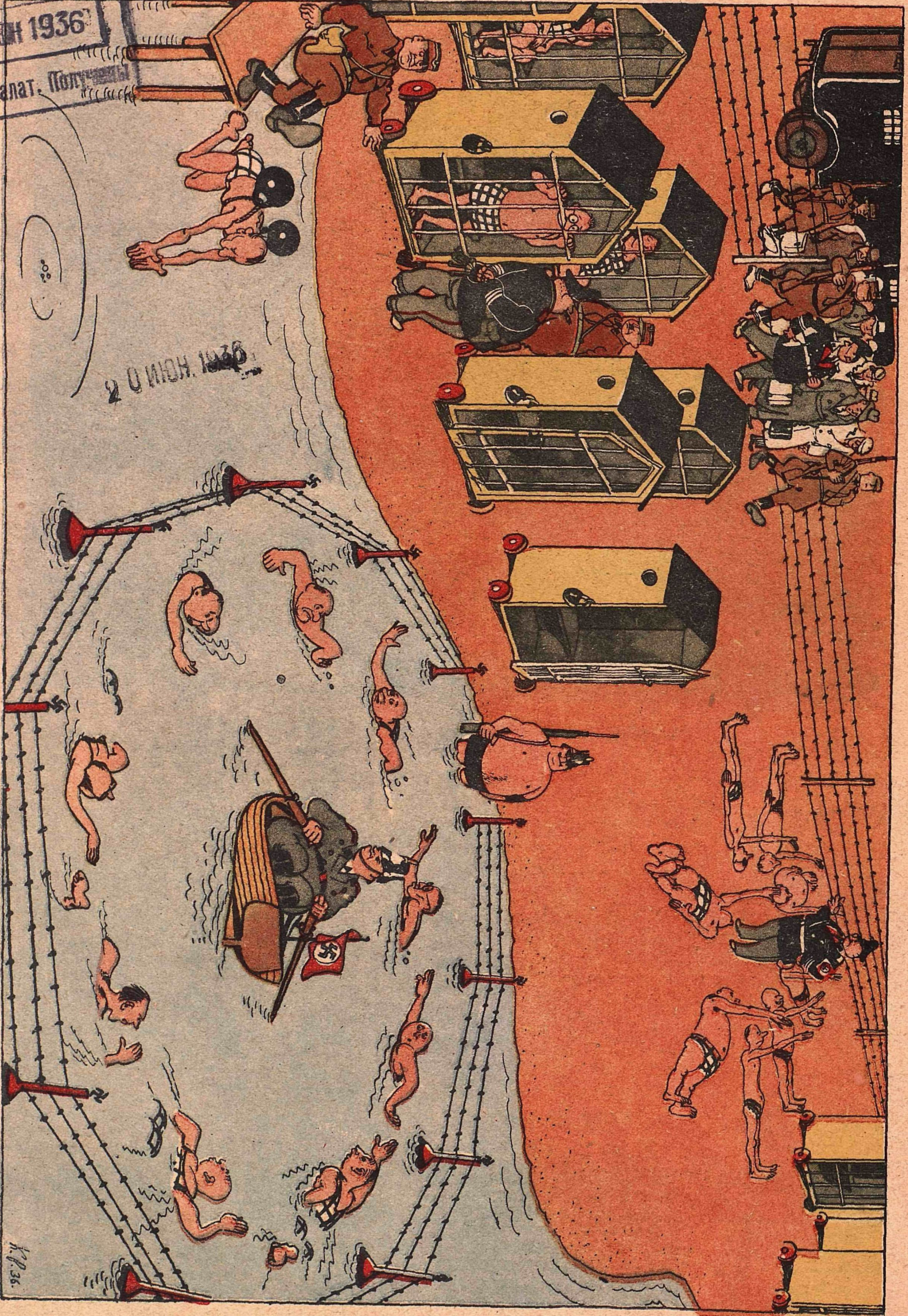
Стреляли секретарь райкома комсомола Корвяков, начальник боевой подготовки Голов и заведующий

клубом Гаврилов. Результаты стрельбы: две убитых вороны, одна подраненная галка, паническое бегство из парка гуляющих и плач напуганных детей. Стрелявшие заявили, что они сдадут нормы на ворошиловского стрелка и за отсутствием в Инжавине тира вынуждены пользоваться парком как полигоном, а галками — как мишенями. На председателя районного инжавинского исполкома товарища Козлова ни самое происшествие, ни его причины впечатления не произвели.

В. ЛЕОНОВ

Инжавино,
Воронежской
области.

БЮЗЕТ. В БЕМПЛЯР
8 - ИЮН 1936
Всес. Кн. Палат. Полу

ОБЩИЙ ВИД

Рис. К. РОТОВА
К.Р.36.

К ОТКРЫТИЮ ВСЕГЕРМАНСКОГО КУРОРТА НА РЮГЕНЕ